

И.С. Хугаев

О границах и критериях национальной транслингвальной литературы

И.С. Хугаев*

Литературный транслингвизм (иноязычие) принадлежит к кругу интенсивно муслируемых в научно-критическом процессе феноменов. Высокими темпами растет материал научного оборота, расширяются обобщения, утончаются наблюдения, уточняются нюансы, – но это, к сожалению, не гарантирует успеха «предпринимаемым попыткам создания устойчивой классификации» явления. Все более очевидно, что вопрос «что есть на самом деле?» гораздо более актуален, нежели «что сказали об этом предшественники?» [1, с. 12].

Поэтому в данной статье, опуская всю предварительную рекогносцировку в условиях вопроса (чтобы и в жанре статьи успеть дойти до сути), мы предлагаем алгоритмизацию решения проблемы этнокультурной идентификации транслингвальной литературы и творчества писателя-транслингва, описание параметров этнокультурного субстрата транслингвального (осетинского русскоязычного) текста и фиксацию онтологических и филологических границ национального литературного транслингвизма.

Ситуация с означенным понятием и, в частности, с осетинской русскоязычной литературой (далее ОРЯЛ) в современной осетинской филологии достаточно парадоксальная: есть согласие в том, что некий объект определенным образом развивается, но нет согласия насчет того, существует ли объект в реальности (и точно ли это именно тот объект, который мы определяем как национальную транслингвальную литературу (далее НТЛ) в широком смысле и ОРЯЛ в узком)¹. Каким же образом он становится и развивается, если его нет? Объект превращается в фантом, в призрак, который уже трудно схватить

без риска быть обвиненным в филологическом мистицизме.

Характерно, что даже те исследователи, которые в теории категорически не приемлют этой категории («русскоязычие», «транслингвизм»), на деле вынуждены пользоваться ею, – ибо в противном случае они попадают (что прекрасно чувствуют сами, но предпочитают сомнительную последовательность исследованию собственных сомнений) в капканы стилистических и синтаксических тавтологий. Нередко, ссылаясь на И. Бродского, они говорят о «диктате языка» [2], при котором, как будто, писатель и поэт невольно и полностью погружен в соответствующую языковую стихию, вытесняющую всякую национальность, – и при этом не замечают того, что сами восстают против справедливого диктата метаязыка филологии, саботируют требования грамматической логики и экономичности филологического аппарата.

Но очевидно, что это и есть единственно *филологический* путь решения вопроса: коль скоро язык изящной филологии (ибо изящество есть признак корректности и тоже проверяет нас на правдивость) не обходится без той или иной дефиниции, – это служит лишним эмпирическим подтверждением тому, что объект существует реально, а дефиницию следует узаконить и дать ей категориальный суверенитет, только определив важнейшие параметры и пространственные и временные границы явления и понятия.

Где пролегает граница между русской литературой и русскоязычной осетинской (или какой-либо другой национальной) литературой? Язык – важнейший критерий национальной идентичности литературы, но *не абсолютный* критерий. *Чужой язык и своя культура* состоят в творческом

* Хугаев И.С. – д. ф. н., старший научный сотрудник ВНЦ РАН и РСО-А.

¹ Эти парадоксы выявились в ходе защиты нашей диссертации «Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление» (Владикавказ, 2010). Не вдаваясь в детали развернувшейся там дискуссии, мы подчеркнем, что диссертация была одобрена даже теми оппонентами – из числа официальных и нет, – которые были не согласны с ее наиболее концептуальным и принципиальным положением, именно – что ОРЯЛ есть часть осетинской национальной литературы: в этом видится глубокое логическое – и даже процедурное – противоречие.

акте, в сложном диалектическом взаимодействии, в борьбе и единстве, решительно определяющем идейно-пластическую самобытность транслингвальных текстов. Влияния и экспансии как одностороннего акта в природе – в том числе и в природе духовных явлений – не существует; оно всегда чревато *взаимностью*; всякое воздействие провоцирует равное ему противодействие; если очевидно, что чужой язык способен проникать в свою культуру, то хоть и менее очевидно, но логически бесспорно и то, что своя культура, даже и уступая внешнему нажиму, проникает в чужой язык. Граница НТЛ (ОРЯЛ) может пролегать где угодно в весьма широкой области между полюсами собственно русской литературы и собственно осетинской литературы (далее ОЛ); насколько осетин, пишущий на русском языке, перестает быть осетином, настолько и русский язык перестает быть сугубо таковым, когда по-русски пишет осетин. Точное же положение границы в каждом отдельном случае (ибо каждый случай в литературном творчестве следует рассматривать как отдельный и специфический) зависит от целого ряда индивидуальных творческих характеристик.

То есть мы исходим прежде всего из того, что и самого совершенного знания языка недостаточно для того, чтобы создавать литературу; что литература (в отличие от литературной *продукции*, «прессы», обязанной своим существованием буржуазной моде и уличному поветрию) рождается исключительно из национального *культурного корня*, что творчество – это форма этнокультурного образа жизни, поведения и мышления, что талант не существует вне культуры. Соответственно, мы предлагаем следующий алгоритм решения вопроса.

Критерии транслингвизма суть «базисные» и «надстроечные». К «базисным» мы относим: 1) фактическое происхождение («кровь», ген: если есть генезис литературы – есть и генезис литератора; генезис литератора прежде генезиса литературы); 2) воспитание в лоне традиционной семьи и культуры; 3) положительную национальную самоидентификацию. К «надстроечным»

критериям, актуализирующимся при наличии «базисных», относятся 1) владение родным языком и 2) творчество на родном языке.

Базисные критерии имеют характер условных (именно: дом не стоит без фундамента, но фундамент стоит и без дома, без надстройки). Если автор – осетин по крови, если он воспитан в лоне национальной семьи, если он называет себя осетином – мы должны рассмотреть его творчество на русском языке на предмет принадлежности к осетинской культуре и литературе: его тексты могут оказаться как русскоязычными, так и русскими.

Каковы бы ни были эти тексты, для положительной идентификации достаточно, при наличии указанных условных критериев, наличия соответствующей *темы*. Тема не делает русского человека осетинским писателем, когда он пишет об Осетии, но осетинская тема делает осетинским писателем осетина. Просто потому, что если обращение к какой-либо чуже-национальной теме имеет для писателя характер диалектически случайный и произвольный², то обращение к теме родного народа (даже аллегорическое, басенное) – всегда фатально и не может не объясняться, в первую очередь и помимо остального, тем обстоятельством, что автор текста принадлежит к описываемому им народу³.

Надстроечные критерии имеют характер безусловных. Если осетин владеет родным языком и языком родной культуры и этики и, тем более, помимо русского языка пишет и на родном (хотя бы речь шла о публицистике или эпистолярном жанре) – его творчество на русском языке однозначно принадлежит к осетинской литературе.⁴

Ибо нельзя делить творчество писателя на два корпуса, относящихся к разным культурам (как нет национальной арифметики, так нет полинациональной или вненациональной литературы): именно факт владения родным языком (в быту или творчестве) придает иноязычным текстам безусловное значение национальной транслингвальности; транслингвизм безусловен только в рамках двуязычия, в то время как пол-

² Л.Н. Толстой, написав «Хаджи-Мурата», не стал аварским писателем; но абсолютно русскоязычный (полный транслингвизм) Хаджи-Мурат Мугуев, написав короткий рассказ «Песня», в котором он вспоминает детство, проведенное в Осетии, стал, безусловно, осетинским писателем. Точнее сказать, «Песня» удостоверяет, что Мугуев и прежде, до «Песни», был осетинским, хоть и русскоязычным, писателем.

³ В какой мере предметный, внешне-тематический аспект относится к явлениям национальной литературы? Если правда, что народность состоит не в «описании сарафана» [3, с. 34], то ее нет и в описании черкески. Но здесь просто ставится требование более глубокой, именно содержательной народности; в строгом же смысле ни сарафан, ни черкеска не могут игнорироваться в случае, когда мы решаем вопрос национальной идентичности и аутентичности литературы.

⁴ У.М. Бахтикиреева отмечает: «Если с ответом на вопрос «может ли существовать национальная литература на ином языке?» мы теперь имеем ответ (под ответом имея в виду нашу диссертацию. – И.Х.), то с вопросом «можно ли считать билингвами этнически не русских людей, в когнитивной системе которых языковым ядром является русский?» ситуация далеко не прозрачная» [4, с. 13]. Вопрос когнитивного ядра нам не кажется здесь принципиальным (это может быть любой язык – как родной, так и неродной); на наш взгляд, принципиален, для констатации билингвального творчества, сам факт практического пользования двумя языками, пусть в разных жанрах и разных целях. Но еще более важно здесь подчеркнуть, что вовсе не обязательно быть в строгом смысле билингвом, чтобы создавать национальную литературу.

ное русскоязычие всегда как таковое проблематично и тяготеет (стремится) к полюсу собственно *русскости*.

Экстраполируя это отношение на уровень народа как субъекта литературного творчества, увидим природу этой закономерности в чистом виде: Осетия – личность билингвальная⁵, именно поэтому ее тексты, написанные на русском языке, – явление не русской, а осетинской русскоязычной литературы. Эта русскоязычная литература может стать русской только тогда, когда не будет собственно осетинской, осетиноязычной литературы.

Математически литература Осетии – «дробь»: осетиноязычная литература Осетии всегда в знаменателе, русскоязычная – в числителе. С ликвидацией знаменателя понятие «русскоязычная литература» также снимается, ликвидируется, ибо (если мы уже прибегли к математической аналогии) нельзя делить на ноль.

Но осетиноязычная литература уже создана раз и навсегда, – и всегда же будет необходимость различения ОЛ и ОРЯЛ. То есть, даже если представить себе, что на родном языке уже не пишет ни один из наших писателей, – филологически будет сохраняться актуальность разграничения той литературы, что была некогда создана на родном языке, от той, что была создана и продолжает создаваться на неродном.

Приведем частный пример практической алгоритмизации проблемы (этнокультурной идентификации автора и текста), основанной на юридически строгом суждении о *презумпции национальности*, предполагающей, что доказательству подлежит не то, что тексты того или иного писателя-транслинга относятся к родной литературе, а то, что они к ней *не* относятся. Коль скоро возникают сомнения, доказать надо не то, что, к примеру, Гайто Газданов – осетинский писатель, а то, что он *не* осетинский писатель.

Газданов пишет: «Каждый год во время каникул я ездил на Кавказ, где жили многочисленные родные моего отца. Там из дома моего деда, стоявшего на окраине города, я уходил в горы... Вдалеке, на горах, блеснул снег – и я вспоминал... о сугробе, который видел возле Минска несколько лет тому назад» [6, с. 61].

Газданов – писатель осетинской национальности, но, по-видимому, *не осетинский* писатель. Тут оказывается недостаточным даже «фатального» наличия осетинской, горской темы, поскольку сам способ ее интерпретации как бы

ликвидирует, упраздняет образ *горы*. *Величественные снежные вершины* напоминают герою *минский овраг*, тогда как, в строгом смысле, при наличии действительного этнокультурного «знаменателя» должно было бы быть прямо *наоборот*.

Рустем Валаев пишет: «Из-за этих гигантских домов улицы центра похожи на горные ущелья, по обеим сторонам которых сгрудились скалы-небоскребы» [7].

У Газданова в знаменателе – минский сугроб; у Валаева – кавказские ущелья и скалы. Что Газданов осетинский писатель – проблематично; что Валаев осетинский писатель – несомненно.

Пространственные и временные границы национального литературного транслингвизма лежат там, где окончательно угасают *спонтанные* структуры национального художественного мышления (или архетипы)⁶.

Это мышление в отношении русского языка (внешности, поверхности) выступает в литературном тексте в качестве *этнокультурного субстрата*, определение важнейших параметров которого являются частью общей задачи, здесь поставленной.

1. Как элементы языкового субстрата выступают неотъемлемой частью языка транслинга [9, с. 269–270], так этнокультурный субстрат является абсолютным фактором транслингвальной литературы, – то есть работающим всегда, хоть и с разной интенсивностью; все литературные явления, имеющие хотя бы минимальное и гипотетическое отношение к ОРЯЛ, должны быть идентифицированы с точки зрения субстратного участия (наличия).

2. Минимальным (*теоретически*) условием отношения к ОРЯЛ следует считать осетинскую *национальную принадлежность* русскоязычного автора – даже в тех случаях, когда минимально и знание родного языка, и знание реалий народной жизни.

3. По мере развития ОРЯЛ проявление субстрата должно становиться все менее очевидным, что связано с объективно *нивелирующим* культурные различия характером цивилизации.

4. В коротком текстовом фрагменте субстрат определить трудней, нежели в большом (подобно тому, как голубизна неба явлена лишь в больших пространствах [10, с. 23]); отдельное лирическое стихотворение или публицистическая статья может при известных условиях даже вообще не актуализировать субстратный компонент,

⁵ «Двуязычие, – пишет В.И. Абаев, – это не нечто навязываемое нам (осетинам. – И.Х.) извне, а наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [5, с. 294].

⁶ Объекты чуждого мира писатель, вне зависимости от языка творчества, повергает привычными образами родного: «И это холм? (...) У нас в Норвегии это называется ямой» [8, с. 177].

но когда речь идет о романе, о творчестве того или иного писателя, и больше – о целой литературе, – субстратное содержание приобретает важнейшее значение.

5 Субстрат выражается, во-первых, на жанрово-родовой системе литературы (большой удельный вес записей и интерпретаций устного народного предания)⁷, во-вторых, на всех уровнях идейно-художественного содержания и формы: текст (употребление родных слов, словосочетаний и калек в русскоязычном тексте), внешняя тема (материал), проблематика и идея, стиль.

6. Выражение субстрата на уровне *стиля* – это наиболее «текущий» и «плавающий» элемент литературного субстрата: здесь вступают во взаимодействие два языка – родной и заимствованный – в узком смысле слова: лексика, семантика, синтаксис родного языка способны во многом обуславливать окончательные стилистические решения⁸. Сюда же входят метафоры и сравнения (образность в целом), основанные на национальном восприятии окружающего мира, и воплощение художественного вкуса, воспитанного родным ландшафтом⁹.

7. ОРЯЛ *гетерогенна и двудоминантна*: при доминировании русского языка как орудия, как матричной формы текста, в ней сохраняет актуальность осетинская культурно-мировоззренческая доминанта, всегда пребывающая под спудом творческого акта.

8. Если поэзия (литература) есть новый этап языкотворчества¹⁰ и идеология, выраженная с помощью *письменного* языка, то ОРЯЛ как субстратная литература – это национальная идеология (и эстетика), выраженная с помощью *чужого* литературного языка, который тем самым становится *своим*.¹¹

Все эти позиции так или иначе актуализируют не только границы национальности, языка и литературы, но и, что важно, соотношение этих границ, общей фиксацией которого и завершим данное рассмотрение.

История национальности – хроника вооруженной экспедиции, борьба за место под солнцем будущего. Первым импульсом к складыванию национальной общности служит симпатия¹², причина столь природная, правомерная, что она не нуждается в вербальном объяснении: только так чужой, говорящий на непонятном тебе языке, становится своим. Симпатии ведут к кровному родству, а кровное родство, общий быт и сознание общей судьбы ведут к тому, что общим становится и язык. Исторически сначала некая этнопсихическая общность формирует язык; а потом язык, набирая потенциал, формирует национальность. Но никогда язык не определял и не исчерпывал национальности. Строго говоря, традиция (ядро национальной культуры) всегда несколько старше языка, и она же существует дольше языка.

Чисто филологически, как мы видели, национальная транслингвальная литература существует как таковая до тех пор, пока есть *национальная литература на родном языке* или хотя бы *родной язык* (то есть логика такова: наличие транслингвизма предполагает как минимум наличие некоего «лингвизма»; если нет «лингвизма» – понятие «транслингвизм» теряет всякое реальное содержание).

Но философски, этически, эмпирически национальная русскоязычная литература существует как таковая до тех пор, пока есть *национальность*. Только тогда, когда не будет национальности, – не будет и национальной литературы. Снижение «престижного потенциала» [15, с. 292]

⁷ «Как после этого сомневаться в национальности грузинской литературы! От царя Вахтанга до царя Ираклия ея она переполнена сказками» [11, с. 24].

⁸ Ярчайшим образцом указанного явления выступает русскоязычная проза Дзахо Гатуева (1892-1938), своими повестями «Стакан шейха», «Зелимхан», «Гага-аул» и др. снискавшего признание и благодарность всех горских народов Кавказа.

⁹ Вменяя себе в обязанность строгость и универсальность суждений (именно чтобы не быть уличенным в мистицизме), мы вынуждены искать математические символы и аналогии рассматриваемого феномена. Мы сказали выше, что билингвальная литература – дробь: литература на заимствованном языке – числитель, литература на родном языке – знаменатель; но так же оно обстоит и в аспекте отдельной творческой личности: достаточно не то что владения родным языком – даже в огромном литературном наследии достаточно одного-единственного положительного критериального образа и тропа, в котором однозначно сказывается «субстратный» компонент (знаменатель). Один-единственный знак меняет характер бескрайнего ландшафта (при этом, конечно, отражая в себе целый ландшафт, подобно капле росы). Так, «скалы-небоскребы» Валаева делают все его творчество явлением осетинской литературы. Существует в логике принцип, называемый «бритвой Оккама», который предполагает экономность в доказательствах и объяснении: «Сущности не следует умножать без необходимости» [12]. Осетинская башня посреди Елисейских полей вполне указывает на присутствие осетина; и вовсе не обязательно искать для этого вторую осетинскую башню: две и даже двадцать башен так же будут удостоверить его присутствие, как одна.

¹⁰ Именно поскольку, как указывает Ф.И. Буслаев, «творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии» [13, с. 1].

¹¹ Мы хотим специально обратить внимание на последнее местоимение. «Не русский я, – пишет Н.Г. Джусойты, – но русский язык считаю своим. Не родным, нет. Родной язык у меня один, ибо двух матерей у ребенка не бывает» [14, с. 9]. Не разделяя всех взглядов Нафи Григорьевича по рассматриваемой проблеме, мы с удовлетворением соглашаемся с ним в этом пункте. Тем более, что эти строки написаны на русском языке, – но при этом сполна выражают его национальное чувство: русскоязычная публицистика и литературная критика Н.Г. Джусойты – тоже осетинская литература.

¹² Повстречали два воина третьего, посмотрели – и говорят: «Иди к нам, ты нам подходишь». Так, – говорит Л.Н. Гумилев, – складывается национальность: на комплиментарном уровне [10, с. 43].

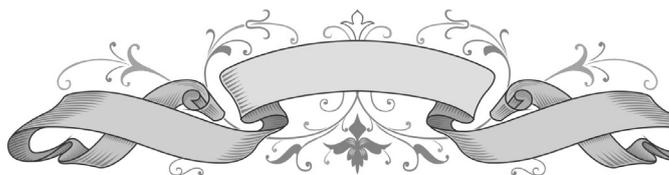
родного языка, а затем и гибель национального языка – только две нисходящие степени угасания самой национальности. Но сознание национальности обладает такой инерцией, что способно как к конечному возрождению языка, восстановлению его престижного статус-кво¹³, так и к сколь угодно долгому существованию вне языка. Самая неприступная цитадель – «любовь шотландца к самому себе» [16, с. 159]; первый и последний форпост национальности и нацио-

нальной литературы (в том числе НТЛ) – само-название народа.

Способно – это не значит, что сознание национальности гарантировано от полного угасания. Но в этом и только этом случае транслингвальная литература перестает быть национальной, поскольку само понятие национальности уже не указывает ни на один реальный феномен в природном континууме.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бахтикиреева У.М.** Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века // *Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Международной научно-методической конференции.* – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011.
2. **Бродский И.А.** Нобелевская лекция. URL: <http://bookz.ru/authors/brodskii-iosif/brodsk17/1-brodsk17.html>
3. **Гоголь Н.В.** Несколько слов о Пушкине // *Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т.* – М., 1959. Т. 6.
4. **Бахтикиреева У.М.** Указ. соч.
5. **Абаев В.И.** За родную речь // *Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание.* – Владикавказ: Ир, 1995.
6. **Газданов Г.И.** Вечер у Клер // *Газданов Г.И. Призрак Александра Вольфа.* – М.: Художественная литература, 1990.
7. **Валаев Р.Г.** Талант и доллар // *Валаев Р.Г. Алмаз – камень хрупкий: Новеллы о драгоценных камнях. Рассказы.* URL: <http://lib.ru/PRIKL/WALAEW/almaz.txt>
8. **Андерсен Г.-Х.** Волшебный холм // *Андерсен Г.-Х. Сказки.* – М., 1978.
9. **Абаев В.И.** О языковом субстрате // *Абаев В.И. Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание.* – Владикавказ: Ир, 1995.
10. **Гумилев Л.Н.** Конец и вновь начало. – М.: Айрис-Пресс, 2004.
11. **Полонский Я.П.** Делибаштала. Грузинская сказка. Из путевых набросков 1847 года // *Полонский Я.П. Проза.* – М.: Советская Россия, 1988.
12. **Философия:** Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/166/%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%A2%D0%92%D0%90
13. **Буслаев Ф.И.** Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб., 1861.
14. **Джусойты Н.Г.** Распри позабыв // *Джусойты Н.Г. Книга друзей: Сочинения последних лет.* – Нальчик: Эльбрус, 2003.
15. **Абаев В.И.** Значение ареальных контактов в истории языка // *Абаев В.И. Избранные труды: Общее и сравнительное языкознание.* – Владикавказ: Ир, 1995.
16. **Скотт В.** Роб Рой // *Скотт В. Собр. соч.: В 8 т.* – М.: Правда, 1990. Т. 4.

¹³ Что крайне актуально и желательно для осетинского языка, отнесенного ЮНЕСКО к умирающим языкам.